

ЛВ-эсд

ИНТЕРВЬЮ СО СКОБОВЫМ АЛЕКСАНДРОМ ВАЛЕРЬЕВИЧЕМ

/ ПРОДОЛЖЕНИЕ /

Запись 4 июля 1991 года. Ленинград.

Кассета № 3 (16 суп)

СКОБОВ: До ареста на третьем курсе у меня оставался хвост, уже не помню, какой. На четвёртом - меня арестовали. Потом, когда я уже стал восстанавливаться, выяснилось, что абсолютно все документы потеряны. Зачётка куда-то делась в ГБ, и там не была найдена. Студенческое дело архивное, которое должно было в университетском архиве находиться, бесследно исчезло вообще. Сохранились только приказы, экзаменационные ведомости тоже не сохранились. Их столько не хранят. Сохранились только приказы о моём зачислении, переводе с курса на курс, переводе на заочное на третий курс. И потом об отчислении в связи с несданной сессией, которую я сдать никак не мог по причине пребывания в следственном изоляторе. По этим приказам, надо сказать "спасибо" им, они меня восстановили и предложили мне такой вариант: мы тебе представляем автоматом тройки за первые два курса, чтобы тебе их по новой не сдавать, ну а третий курс уже будешь сдавать. На третий мы тебя восстанавливаем. И дальше ты учись. Но всё было бы ничего, если бы они-гады, идя по линии наименьшего сопротивления, конечно, им так легче было, - они же что сделали? - восстановили мне зачётку за первые два курса по программе заочного, а не программе дневного, хотя первые два года я учился на дневном. И вот, скажем, если бы я сейчас захотел переводиться на дневное, разницу за третий курс дневного и заочного я бы сдал, это физически возможно. Но разницу за три года - это уже физически невозможно. Если мне скажут, что я должен сдать разницу в программе за все три года дневного и заочного. Это совершенно нереально - сдавать такие предметы заново, как латинский язык и древнерусский язык, я в жизнь не буду. Либо они мне восстановят зачётку полностью за первые два курса по программе дневного, тогда я попробую, конечно, перевестись на дневное. Либо я даже не буду пытаться.

- А этот вопрос ещё открытый?

СКОБОВ: Открытый, поскольку, когда я восстанавливался, я вообще об этом не

думал, я даже не посмотрел, по какой программе меня восстановили. И вообще это меня мало интересовало, потому что у меня тогда мыслей не было, что вообще возникнет мысль о переводе. Канцелярский бардак. Другое дело, что дело пропало, конечно, не в результате обычного канцелярского бардака, а в результате каких-то целенаправленных действий. Скорее всего университетской же администрации, которая просто старалась изгладить память обо мне, чтобы вообще никто никогда ей бы об этом не напомнил. Просто взяли его и потеряли специально. Из перестраховки или из чего-то ещё. Но это просто моя такая гипотеза. Но дело-то не в воротиль теперь. А вот дальнейшее – это уже просто канцелярщина всякая...

– Была потребность в доме, быте?

СКОБОВ: Да как-то не думал я про это, была она у меня или нет. Иногда возникали практические потребности просто в хате, в базе, в мастерской для печатания листовок. Практические потребности периодически возникали.

....

– Расскажи мне о "Перспективе" /журнал/, ничего связного я про это никогда не слышала. С чего всё началось?

СКОБОВ: С чего началось? Началось всё на самом деле со школы... О "Перспективе" нельзя рассказывать без предыстории о 76-ом году, когда Резников листовки бросал на Невском. Совсем один бросал на Невском. Ещё у него был приятель, школу не кончивший, Фоменков, он тоже где-то в другом месте бросал. Те же самые листовки. Значит так. Где-то после окончания школы – все примерно одного выпуска – я, Андрей Резников и Аркадия Цурков. Причём они учились в одном классе, а я учился в параллельном, мы в принципе по школе знакомы не были. Так знали немножко друг о друге. Мол ещё в одном классе вот есть такие смутьяны. Я знал, и они про меня знали тоже. Они тоже в смутьяхах ходили. Ну вообще про наши смуты в школе можно рассказывать отдельно.

– Расскажи.

СКОБОВ: Там были довольно забавные истории. Но это надолго.

- Давай надолго...

СКОБОВ: Известны мы были тем, что на уроках истории всячески терроризировали учителей подлыми вопросами. И всячески выражали, что нас не удовлетворяют и не убеждают их ответы. Это считалось тогда ~~весьма~~ опасным. Общественное мнение воспринимало это как проявление экстремизма. Не принято было такое. Вот просто не принято....

- Ну что, к примеру, ты спрашивал? Что не устраивало? Чего хотелось?

СКОБОВ: Я могу с ответственностью говорить только про свои мотивы. Мы по отдельности тогда выступали. Про их мотивы у них спроси. А у меня мотивы... Я же воспитан был в очень ортодоксальном духе. Коммунистическом. Где-то до класса восьмого у меня сомнений в правильности всего того, что у нас говорится и пишется, не возникало. Я воспринимал, что всё это правда.

- ~~Ахулих~~ А ты хорошо учился?

СКОБОВ: Я учился хорошо до седьмого класса. В седьмом классе стал учиться ~~по~~ хуже. По истории я всегда учился хорошо. Всегда у меня были пятёрки. Где-то с восьмого класса у меня падает интерес к физике всякой там, к естественным и точным наукам. Никогда не интересовался биологией, по которой у меня изна чально была тройка. А гуманитарные предметы всегда интересовали. Но если до восьмого класса у меня всё-таки так вровень шло, гуманитарные и естественные, и не понятно было, что перевесит, что я всё-таки выберу окончательно. Самому не понятно. То с восьмого класса уже чётко у меня идет ориентация на гуманитарные и, в частности, на историю.

- А ты участвовал в общественной жизни в классе?

СКОБОВ: Ну, так чтобы особенно, - не участвовал. Хотя у нас практиковалось поголовное вовлечение в общественную жизнь, и каждый чего-то получал. И каждый в меру своих сил, халявно, но что-то делал. Или числилось, что делал. И я там что-то делал...

- Формально?

СКОБОВ: Нет. Ну, скажем, когда в восьмом классе у нас довольно интересный

класс оказался, и там интересная возникла, не формализованная, как всё вокруг общественная жизнь, там были интересные вещи. Я участвовал в выпусках стенгазет. Но этим там занимались многие, это чередовалось у нас. Одну газету выпускают одни, — другую — другие. Это было всеобщим. Всё же газеты. Но это совершенно далёкий от этого вопрос, не знаю, как его связать с ... Там у нас в школе практиковались комсомольско-молодёжные лагеря. Причём там давняя традиция этих лагерей была. Определенные воспитатели, они традиционно свой класс вывозили в какой-то лагерь. И этот лагерь имел свою традицию, свою историю, разные поколения этого лагеря встречались потом. Это 121 школа. Она была физико-математической, сейчас она давно не физико-математическая. И перестала она быть физико-математической после этой истории с листовками. Видимо она давно имела репутацию рассадника вольно-мыслия, под неё подкапывались идеологические власти и просто конкуренты, видимо, были рады эту школу как-то утопить, потому что конкуренция была большая в этих специальных школах; ~~что~~ на первом месте. Этим воспользовались для хорошего такого погрома в этой школе, её замучили ревизиями после этого и в конце концов перевели в разряд простых, сократили там количество старших классов, соответственно сократили учителей, разбили таким образом тот коллектив, который там был. А коллектив был достаточно сильный. Она находилась на проспекте Науки, угол Ковалевской, напротив кинотеатра "Современник". Но она не всегда там находилась, хотя с того времени, когда я там учился, она уже там была всё время. До этого несколько раз переезжала. Такая школа, с историей, достаточно элитная. То, что она была физико-математической, не значит, что другие предметы были в загоне. Там прекрасно давали литературу, значительно шире программы, просто явочным порядком; неплохо и историю давали, хотя по-разному, были и такие тупые ортодоксы, были и поинтереснее преподаватели.

— Никого не помнишь из преподавателей?

СКОБОВ: Помню хорошо. Литературу у нас вела такая Данилова Марианна Артемьевна, её Андрей Резников должен помнить, она же была моим классным воспитателем, и она же была руководителем самого старого, самого первого лагеря трудового, который первый самый возник в этой школе, она собственно эту традицию там и завела. Отряд назывался "Нева", и ездил он летом в Крым работать. Там две точки его работы были, менялись периодически, - Судак и ~~ещё~~ ещё место. Под Судаком - сбор лаванды и сбор розовых лепестков - такие там были работы. И обычно она брала 9-й класс и два года вела - девятый-десятый. Между 9 и 10 летом она этот класс везла туда. Но вот наш класс ей достался с 8-го класса, и поэтому наш класс ездил туда два раза, после 8-го и после 9-го. Это тоже редкий случай, чтобы один класс дважды выезжал

- Весь-весь класс? Или тот, кто хотел?

СКОБОВ: Ну, что значит весь? Вообще хотели все. Это дело было популярное. Существовал такой культ, достаточно развитый, и не только сверху идущий, этого отряда. Туда хотели все. Но не всех брали. Но большинство попадало туда, но были и такие, кто не попадал. Отдельные товарищи. В частности, я туда не попал оба раза.

- Почему?

СКОБОВ: Меня не взяли. Первый раз, потому что я как раз на это время загремел в психушку. А второй раз не взяли уже сознательно.

- Эта учительница была ортодоксальной?

СКОБОВ: Интересный вопрос. Тогда она имела репутацию самой неортодоксальной у нас в школе, самой фондирующей на грани крамолы. И этот имидж она поддерживала. Хотел бы я, конечно, её повидать сейчас. Потому что по отзывам каких-то общих знакомых сейчас она очень консервативных взглядов придерживается. Что не удивительно, потому что её муж всегда был партийным работником. При этом там интересно было, и я не думаю, что он мог какое-то серьёзное влияние на неё оказывать идейное, потому что она явно всегда была умнее его.

- А он участвовал в классной жизни?

СКОБОВ: Нет. Абсолютно. Она всё отдельно от него делала.

- Подожди, откуда тогда у тебя возможность судить об этом?

СКОБОВ: Я дружил с их сыном. И бывал у неё немножко чаще, чем большинство нашего класса. Хотя у неё в принципе часто бывали ученики, всегда это по-ощрялось очень, - общение вне школы. Но я бывал у неё чаще. С её сыном дружил, он на год старше меня. Он учился в той же школе, но не у неё. Причем интересно, моя мать тоже работала в этой школе, тоже учителем литературы. Но так они делали всё время, если брали своих детей учителя этой школы в свою школу, то делали так, чтобы они учились не в их собственном классе. Вот я учился не у своей матери литературе, а у Марьяны. А её сын учился у моей матушки.

(А у тебя были конфликты со своей матерью?

СКОБОВ: Больше, чем достаточно. Я ~~затрудняюсь~~ сказать, насколько причина была в этом, но конфликтов у меня всегда было много.) А насчёт её ортодоксальности, то что она делала на уроках - это фантастика, она ходила по краешку, показывая именно свою неортодоксальность. И это вызывало к ней сразу бешеною расположение и доверие в классе.

(А твоя мама, нет?

СКОБОВ: Нет, Она хороший учитель, и я думаю, она не слабее Марьяны. Я их обеих считаю очень сильными литераторами. Но моя всегда избегала каких-то эффектов, острых моментов и вообще всегда старалась быть потише. У неё такой характер, её всегда какие-то такие острые вещи отвращали.

- Она член партии?

СКОБОВ: Нет.

А ты один у неё или ещё кто-то есть?

СКОБОВ: Один.

- А кто твой отец?

СКОБОВ: Отец физик, доктор наук. Разошлись они, когда мне ещё года не было с тех пор я его видел крайне редко. Иногда видимся. Но тесного контакта

нет. Хотя было несколько попыток налаживания такого контакта. Но не получилось. Не сошлись характерами. Вот.

- То есть он не принимал участия в воспитании?

СКОБОВ: Нет. Абсолютно нет. Он сделал одну попытку после того, как я попал в эту психушку в восьмом классе. Он сделал одну попытку принять участие в моём воспитании. Я от этой попытки отказался через два месяца. Он взял меня в свою семью, повёз на лето на Кавказ. Ничего хорошего из этого не вышло.

- Как Ты тогда переживал это?

СКОБОВ: Чтобы это какой-то особой проблемой для меня было, я не скажу, хотя мне хотелось с ним дружить. Но мне со всеми хотелось дружить. И с ним в том числе... Он на физ-техе. Пока вроде ещё не сократили. Там намечается, они же заказов не получили новых от военно-промышленного комплекса.

Коммерция.

- У него есть ещё дети?

СКОБОВ: Нет. Я один.

- А бабушки, дедушки?

СКОБОВ: Бабушка по матери - мы с ней вместе и жили в те периоды, когда я жил дома, они и сейчас вместе живут. Правда после окончания школы я дома жил довольно мало.)

Так вот. И всё-таки вернуться я хочу к чему. Воспитан я был в ортодоксальном духе. Верил во все коммунистические идеалы и советскую пропаганду. Но верил ... В это же тоже можно было верить по-разному. Меня воспитывали на чисто гуманистических традиционных ценностях дома, и я просто лет до 14, не зная и не видя жизни вокруг, - я был домашним ребёнком, часто болел

- большую часть времени проводил дома, - я просто не видел противоречия между ними и тем, что пропагандировалось государством. Верил, что всё это согласуется, и всё так и есть. Но естественно, когда всё-таки жизнь начинаешь замечать вокруг, начинает возникать сомнение. Видимо, для тех, кто воспитывался чисто конформистски, то есть просто потому что так надо и вс

всё; надо подчиняться существующим общественным порядкам, независимо от того, плохие они или хорошие. Но это всё менее болезненно. Ну, а для того, у кого какие-то оценочные принципы есть изначально - хорошо-плохо - возникает проблема...

- А эти принципы у тебя шли от воспитания?

СКОБОВ: Затрудняюсь сказать. Во всяком случае меня воспитывали именно в этих принципах. Атмосфера дома всегда была, скажет так, морально чистая. И дома до меня не доходили отголоски всякой дряни из окружающего мира. Не сталкивался. Всегда держались честности, порядочности, добросовестности...

Я либо работаю не халтурно, либо не работаю вообще. А сделать что-то и спихнуть чисто формально, - не могу...

... Прежде всего с чем начинаешь сталкиваться, с какой-то циничной моральной атмосферой среди окружающих тебя сверстников или одноклассников. Для кого это изначально норма, ~~и никак~~ того это, естественно, не шокирует. А мне было не понятно, откуда это и ~~посему~~. У нас ведь всё должно быть правильно. Но потом уже начинаешь замечать, а ведь правильно-то не всё. Начинается всё с человеческих отношений, с мелочей, с чисто жизненных ситуаций. Первые несправедливости, с которыми сталкиваешься, это же не политические несправедливости какие-то, а гораздо более мелкие какие-то заморочки. Я сейчас не могу вспомнить что-то конкретное, у меня остался только фон от всего этого, только фон. Это один момент.

Другой момент... Вот интересно, это, наверное, очень интересный вопрос для данной темы, насколько оказывало влияние на формирование мировоззрения проблема сталинизма. Поскольку на те годы как раз приходится пик политики забвения всего этого, именно в эти годы, ~~максимально~~ делалось всё, чтобы всё это забыть. Но тем не менее что-то же доходило про то, что был культ личности, были репрессии. несправедливые. Я знал об этом скорее всего значительно меньше, чем большинство моих сверстников моего

круга, того круга, в котором я учился в этой элитной школе, где-то к классу восьмому. Наверняка я знал меньше, потому что эта тема дома не поощрялась. Какой-то самиздат, тамиздат я отродясь в руках не держал и даже никак не знал, что есть такое.

- А никто из родственников не был затронут репрессиями?

СКОБОВ: В том-то и дело, что был. И напрямую. Дед. Арестован в 38-ом году. И по присланной оттуда уже после реабилитации справке, "умер на следующий год от воспаления лёгких". Скорее всего, расстрелян. Арестован в Питере. Был каким-то инженером, где работал, не помню. Это был отец матери, бабушкин муж Буриков. Понимаешь, со мной никогда на эту тему не говорили, я как-то услышал краем уха, что вот был арестован и умер в тюрьме. И толком никогда про это ничего не знал, пытался пару раз спрашивать, мне что-то достаточно бессвязно отвечали на эту тему. Мал было время, когда было много ошибок такого рода... Это было до восьмого класса, в районе класса 4-го - 5-го. Но тогда сильно это не отложилось, что-то такое очень ~~змутное~~, туманное, что "была какая-то ежовщина", "некоторые люди пострадали несправедливо", некоторые отдельные. Хотя я далеко не представлял себе масштабов, но уже тогда ~~запал~~ вопрос: как могло такое случиться в нашем самом лучшем, самом справедливом государстве, что даже некоторые отдельные люди ~~могли~~ пострадать несправедливо.

- А твоя бабушка тогда не пострадала?

СКОБОВ: Дело в том, что они тогда в разводе были. Её это как-то обошло, и во ~~всяком~~ случае задело, но не сильно, хотя периодически травили, на работе периодически напоминали. Работала она в школе тоже. Потомственная учительская семья. Но она - в первом поколении, через рабфак, она из народа. Первое поколение новой советской интеллигенции... Вот это в душу зашло.

А потом, когда я больше стал этим интересоваться, это уже к восьмому

классу поближе. В основном, я не знал ничего сверх официальной версии советских учебников на эту тему. А официальная версия всех тогдашних учебников истории, начиная со школьного, и кончая самым толстым вузовским, - это повторение и цитирование на разные лады постановления ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий", лето 1956, г. года. После XX съезда, когда был сделан шаг назад сразу, уже по сравнению с XX-ым съездом и с докладом Хрущёва, в очень сильно ослабленном в варианте оценка, если ты помнишь. Сверх этого я ничего себе не представлял. То есть фактов не знал просто, масштабов. Мне это представлялось какими-то очень ограниченными репрессиями, на очень ограниченный круг лиц, распространявшимися именно на тех, на кого могли быть сфабрикованы дела сознательно, по причине каких-то внутренних разборок в верхах. Но как такое могло быть? - всё равно запало. - Не должно такого быть в социалистическом государстве. - И почему это народная социалистическая власть не смогла это государство проконтролировать? поставить на место, когда государство зарвалось? Мне было очень непонятно.

Я всё знал по пропаганде, по той пропаганде, которая выпячивалась на первый план. В чём особенности и эффективность нашей пропаганды, она умела одновременно работать на самые разные вкусы и запросы, она была многоуровневая. Да! Понимаешь, таким, как я, она пудрила мозги властью народа". Людям потупее она говорила о руководящей роли партии. И так много уровней могло быть. И каждый находил то, что было ему понятнее и приятнее. Вот ещё что. Ведь каждый ищет то, что ему приятнее, от чего ему комфортнее. Конформисту демагогия про народовластие в принципе не нужна, и он находит пункт о руководящей роли партии, и ему всё понятно: есть партия, и её надо слушаться, не задаваясь вопросами лишними. А для таких, как я, - демагогия о народовластии, - тоже очень приятно. А на этих самых вопиющих пунктах, если сейчас оценивать, постоянно ста-

вивших партию вне критики, над законом, верховным арбитром во всём, —
ну, просто не замечалось. Причём я удивлялся сейчас, до чего мы умудри-
лись не замечать того, что просто было в глаза. Способность разума не
видеть. Смотреть в книгу и не видеть того, что там написано просто. Ма-
ленький пример: в 9-ом классе изучают революцию 1905 года, работы Лени-
на на эту тему, учат, что большевики и Владимир Ильич были решительны-
ми противниками индивидуального террора, который практиковали эсеры по
тому-то и потому-то, дальше расписывают..., потому что они были умнее,
грубо говоря, понимали, что это не эффективно; учим, запоминаем; даются
работы, где про это, по идеи, должно быть написано. В работах, всёта-ки
какая-то часть их читает, /работы небольшие брошюрки, их сдавать надо не
однократно, большинство прочитывает, хотя бы по разу/, — в этих работах
чёрным по белому написано о необходимости "организации боевых групп, ко-
торые будут заниматься уничтожением командного состава правительства"
ных структур", всё очень подробно расписано. Это читают, и не видят это-
го, это не откладывается в сознании. Откладывается то, что тебе учителя
внушил на уроке почему-то... Интересный феномен — сознание советского
человека, не самого глупого человека той эпохи. А это было ~~было~~ ^и всеобщим
абсолютно, особенно из сознания. Какая-то изначальная атрофия кратически
кого мышления.

И очень большую роль в этом играет система образования. Но ведь об-
работка сознания не исчерпывалась у нас никогда системой образования.
Изначально... /перерыв в записи/

/Кассета № 4./ Это же было достигнуто... Не у всех в равной степени,
но у большинства к зрелому возрасту способность к критическому мышлени-
нию убивала. В школе встречались с этим же фоном. Но этот фон был везде,
не только в школе: по радио, по телевизору, на улицах в плакатах разны-
х лозунгах, в разговорах, в книгах, в кино, в детском саду, в пионерских

лагерях.

- А ты был в детском саду?

СКОБОВ : Не был. И в пионерском лагере тоже не был. Но так или иначе большинство через это проходит.

Кем

- А в детстве ты имел какое-нибудь отношение к идеологии? Ты был в пионерском отряде?

СКОБОВ: Несколько раз на барабане барабанил. В этой школе я с шестого класса учился, а до этого я в захудалой школе учился, где всё было халъяно поставлено. Никого ничего там не интересовало. Я этого не помню. В 121 школе младших классов всегда было меньше, чем старших. Основной набор шёл с 8-го класса. Было как везде. Между прочим один из мотивов, который меня настраивал на критический лад тот, что я видел формализм ~~и~~ лажу комсомольской жизни. Я с этим столкнулся, я был очень удивлён, сначала объяснял себе, что это чисто местные недостатки, локальные.

- А вступление в комсомол было для тебя значимым?

СКОБОВ: Да. Это было в 8-ом классе. Это был 72ой год. Интересно, я вступил как раз тогда, когда у меня начали возникать первые сомнения в правильности этой идеологии. Не идеологии даже, её я не ставил под сомнение я не ставил ещё очень долго. Идеологию в её первоначальном варианте я не ставил под сомнение даже, когда первый раз садился в тюрьму. Сомнение в правильном выполнении этой идеологии, вот это ~~же~~ правильно будет сказано.

- А что тебя не устраивало?

СКОБОВ: Я помню, возникало ощущение, что всё делается чисто формально. Начиная с приёма, с формальных ~~и~~ вопросов, ответы на которые почти никто не знает, но тем не менее вступают, это в принципе никого не интересует. Начиная с мелочей. С того, что по моим представлениям, комсомол - это то, что должно объединять лучших и ~~наиболее~~ грамотных и идей-

но выдержаных, но на это тоже никто внимания не обращает...

- А кто у вас был комсоргом?

СКОБОВ: В классе? Женечка Вайсберг была комсоргом класса. Сейчас она стала ортодоксальнейшей иудаисткой, ей в субботу не звони - телефон отключает, потому что не положено по талмуду чем-то посторонним заниматься. Это я знаю по-наслышке от её бывшего мужа. Мы все дружили тогда, в очень хороших отношениях были. Она инженер. Я не знаю, как тогда у неё с идеиностью было, она была из среды, где значительно критически на всё смотрели. Элитная, еврейская в значительной степени среда. Ортодоксальной она /среда/ никогда не была. Я думаю, что для большинства - а тогда это уже осознавалось большинством моих сверстников - комсомольская жизнь и комсомольская работа чисто формальная не воспринималась, как что-то политическое или идеологическое, а просто воспринималась, как существующая общественная структура, в которой надлежит существовать, в рамках которой, которая требует от тебя каких-то формальностей, их надо выполнять; но это не ставилось под сомнение. Есть оно надо делать. Это что-то даёт, зачем-то это надо, видимо, какую-то полезную функцию это выполняет. Дети в Зарницу играют, а более старшие дети - в комсомольскую структуру, значит так надо... Это как-то организует класс. А в идейно-политическом смысле это большинством не воспринималось, и это не интересовало. На комсомол смотрели как неполитическую организацию типа профсоюза какого-то. А до идейно-политической вывески мало кому есть дело. Это некая данность, её надо принимать, Я думаю, что это было сознанием большинства тех, кто способен был думать над чем-то. Были и такие, кто не задумывался, их немало.

- А у тебя были друзья в классе?

СКОБОВ: Мне сложно об этом рассказывать. Были и друзья, были и какие-то трудности. Как правило ко мне относились хорошо, с симпатией, но

каким-то авторитетом я не пользовался, и многие мои особенности воспринимались большинством с иронией.

- Ты ходил в чудаках?

СКОБОВ: Да, я ходил в чудаках. Вот. Кто-то смеялся, кто-то недоумевал, раздражения как такового не было в классе. Не было принято относится в классе друг к другу так, проявлять раздражение, нетерпение. Понимаешь, особенность нашего класса, нашей школы в том, что там, внешне, во всяком случае, внешне очень поощрялась всякая индивидуальность, Марьяной в особенности. Поощряется всякая индивидуальность, самостоятельность, неподгонка под одну гребёнку. На деле далеко не так всё было. Марьяна это поощряла, но так, что за всем этим она старалась сохранить свой личный контроль и всегда! иметь возможность направить любую дискуссию в то русло, которое нужно было ей. При этом, чтобы была дискуссия, полное уважение ко всем. Это демонстрировалось. Почему многим и мне очень нравилось, многие столкнулись с тем, что тебя за пределами круга твоих близких, семьи, или наоборот, по сравнению с домашней обстановкой, тебя воспринимают как личность , имеющую право на свои суждения, тебя готовы выслушать, Это страшно импонировало. Но на деле для неё, это я могу сейчас сказать, это было стратегией завоевания власти в классе. Не сразу я это понял. Причём поскольку это происходило на повышенном эмоциональном уровне, возникали всякие симпатии и привязанности. Казалось бы, начинаешь понимать всю подоплётку, но что-то - именно привязанности - мешают сделать окончательный вывод. Нехочешь делать этот вывод.

- Привязан к коллективу или к кому-то конкретно?

СКОБОВ: Марьяна главным образом добивалась того, чтобы подавляющее большинство её учеников оказывалось привязанным лично к ней. И это она делала блестяще. Как потом мне говорили люди, лучше меня знавшие эту кухню, наш класс был первым в её практике, где она не достигла полной победы в

этой области. Изначально выделилась какая-то группа, которая сохранила критическое к ней отношение. В классе было хорошо, интересно, рожи все симпатичные. Она создавала атмосферу уважения вокруг симпатии между малчиками и девочками. Другое дело, что из этого опять-таки работало на её же власть и авторитет. Но это очень интересный персонаж, хотя не знаю, насколько он относится к твоей теме, но очень интересный персонаж. Это отдельная тема. Я ведь до сих пор, знаешь, с какой-то теплотой внутренней к ней отношусь. /Смеётся/

- А ты не относился ли к той, оппозиционной ей, группе?

СКОБОВ: Я промежуточное положение занимал, скорее. ЖЕНИЙ Никому и никогда не удавалось вытравить у меня критическое отношение, с одной стороны. А с другой, я человек увлекающийся, я могу совмещать критическое отношение с сильным увлечением. Это у меня создает всякие внутренние напряги очень часто...

Во всяком случае, в нашем классе было несколько человек, которые изначально не позволили себе даже увлечься. Была у нас пара протестантов... С протестантами она умела расправляться. Зубы она обломала себе не о протестантов, а о других. О тех, кто не протестовал, но при этом умудрялся сохранить внутреннюю независимость и это немножко показывать. Не вылезая, но показывать, что в принципе он сам по себе.

- А ты к этим людям испытывал уважение тогда?

СКОБОВ: Да, испытывал. Это были мальчишки. В принципе класс был умный. Хороший был класс, есть что вспомнить. В основе у тех парней лежал здоровый такой скептицизм интеллигентский, тогдашней элиты. До нас его не было, по-видимому, почему и говорят, что наш класс был первым в этом ряду. Возможно какой-то момент перелома в общественном сознании в это время и наступал...

Один из этих ребят сейчас стал священником, не закончив духовной ака-

демии, просто достиг самообразованием; не монах. Другой - не знаю, конформист, цивильный такой...

- Так что же случилось в 8 классе?

СКОБОВ: В 8-м классе меня вплотную заинтересовала история наша, история революции и последующих событий. Что сыграло большую роль, я столкнулся с тем, что я не могу нигде получить исчерпывающей информации. Меня всё интересовало, затрагивало. Вот я интересуюсь, роюсь по книгам самых разных, школьные учебники меня очень быстро перестали удовлетворять, в более серьёзные учебники стал лазать, в монографии, - и везде одно и то же: написано очень много, а информации нет. Самое навязывание какого-то стереотипа без убедительного доказательства тут я и начал чувствовать. На это меня уже никто не выводил. Это одно. Естественная мысль возникает: если внушают таким образом, значит есть что скрывать. Несправедливо. Значит не надеялся не верят в то, что полнота информации будет убеждать, значит, что-то не так. Дальше - всё построение нашей подачи истории. Вот большевики и Ленин всегда такие хорошие и во всём правы, молодцы и самые умные, - а все остальные - гады. Сначала чисто эмоциональный протест: несправедливо, обидно за остальных, кроют их, ругают. Возникает сочувствие, совершенно стихийное, на подсознательном уровне. И уже приходит осознание того, что и ~~жизни~~ такого не может быть, чтобы одни были во всём хороши, а другие - всегда неправы, и вообще гады. Начинается потом анализ, логические рассуждения. А первые сомнения - чисто эмоциональные. Вот почему Троцкого этого несчастного всегда ~~честят~~ и поносят? - У меня это вызвало только сочувствие к Троцкому. И желание найти что-нибудь в его защиту.

Не знаю, сколько бы ещё этот процесс осмысления у меня ещё проходил и как, если бы я не общался бы с людьми, со сверстниками, которые понимали в этом гораздо больше меня. Тогда я впервые столкнулся с людьми,